

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Байбакова Л.В. — Закулисное посредничество президента США Т. Рузвельта в урегулировании первого марокканского кризиса (1905-1906) // Исторический журнал: научные исследования. – 2019. – № 4. DOI: 10.7256/2454-0609.2019.4.30456 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30456

Закулисное посредничество президента США Т. Рузвельта в урегулировании первого марокканского кризиса (1905-1906)

Байбакова Лариса Вилоровна

доктор исторических наук

профессор, кафедра новой и новейшей истории, МГУ имени М. В. Ломоносова

119192, Россия, г. Москва, ул. Ломоносовский Проспект, 27 корпус 4, каб. Г-421

✉ larisa.baybakova@yandex.ru

[Статья из рубрики "Проблемы войны и мира"](#)

Аннотация.

В статье рассматривается слабо изученная в российской историографии роль президента США Т. Рузвельта в урегулировании первого марокканского кризиса. Автор стремился определить содержание, формы и методы его влияния на позицию руководства Германии и Франции, изучить пути решения регионального конфликта с весны 1905 г. по апрель 1906 г. Особое внимание уделено секретности посреднической миссии Рузвельта, исключавшей утечку информации. Благодаря использованию не только общепринятых мер, но и методов угроз и шантажа, ему удалось убедить конфликтующие стороны сесть за стол переговоров в испанском городке Альхесирасе, сдвинуть их позицию с мертвой точки и добиться взаимовыгодного компромисса по ключевым вопросам повестки дня. Основным методом анализа марокканского кризиса и путей его решения является системный подход, заключающийся в комплексном анализе анатомии регионального конфликта в целях всестороннего выявления взаимосвязи и взаимодействия всей совокупности участников с акцентом, прежде всего, на действия американской стороны. Не менее плодотворным является использование исторической компаративистики для выявления, как мотивов посредничества Рузвельта, так и используемых им методов решения марокканского кризиса при сопоставлении с инструментарием, задействованным в ходе русско-японской войны. В российской историографии посредническая миссия Рузвельта в решении марокканского кризиса не являлась предметом специальных исследований, а только кратко упоминалась как один из эпизодов его внешнеполитической деятельности. Статья написана на оригинальных источниках, основанных на эпистолярном наследии президента, впервые вводимого в научный оборот.

Ключевые слова: международное соперничество, региональные конфликты, Марокко, президент Теодор Рузвельт, император Вильгельм, дипломатия, посредничество, Антанта, Тройственный союз, Алхесирасская конференция

DOI:

10.7256/2454-0609.2019.4.30456

Дата направления в редакцию:

05-08-2019

Дата рецензирования:

06-08-2019

Посредничество президента США Т. Рузвельта в решении региональных конфликтов занимает особое место в истории дипломатии, поскольку оно является одной из первых попыток успешного применения на практике мирных средств в урегулировании международных кризисов. «Миротворчество» американского президента во время русско-японской войны 1904-1905 гг. неоднократно упоминалось в работах советских ученых, утверждавших, что его целью, с одной стороны, являлось стремлением не допустить расширения влияния России в Китае, а с другой — «не дать ограбить Японию». Стремясь осветить разные аспекты внешней политики России начала XX в., исследователи лишь констатировали сам факт американского посредничества в урегулировании международных отношений как заявку на активную роль в решении мировых проблем [1–3].

Что же касается персонального вклада 26-го президента США в урегулировании первого марокканского кризиса, то отечественные американисты освещали его «добрые» услуги в сугубо описательном плане, воспроизводя лишь отдельные эпизоды подготовки и организации международной конференции в Альхесирасе [4–6]. К сожалению, современные исследователи, занимаясь изучением марокканского вопроса в международных отношениях, главный упор делают на изучение «векторов» внешнеполитических устремлений только европейских государств (Англии Франции, Германии), не уделяя должного внимания анализу геополитических интересов США [7]. При таком подходе Россия выглядит чуть ли не единственным посредником в решении регионального конфликта, что ведет к искажению подлинной картины кризиса и требует учета роли всех структурных элементов в их взаимосвязи. Так, Е. Н. Воронов, в содержательной диссертации, специально посвященной франко-русским дипломатическим отношениям в период двух марокканских кризисов, даже не счел нужным упомянуть, хотя бы при постановке проблемы, о воздействии американского фактора на переговорный процесс [8]. Между тем системный подход к изучению международных отношений требует учета деятельности всех сторон, а не только наиболее активных игроков, в зависимости от их веса и форм участия в мировой политике. В этой связи важно отметить, что Европа в начале XX в. была поделана на два военных блока (Тройственный союз и Антанту), поэтому все страны в той или иной степени являлись звеньями единой цепи глобальных противоречий. В силу этих причин каждое из государств, как напрямую, так и опосредованно вовлеченных в марокканский конфликт, в той или иной степени стремилось активно воздействовать на динамику расстановки сил в регионе сообразно своим геополитическим интересам. Следовательно, даже при изучении двусторонних отношений необходимо учитывать позицию не только наиболее влиятельных стран, напрямую влиявших на обстановку в кризисных регионах мира, но и проследить действия посредников.

Кстати, в написанной еще в 1930 г. монографии Ю. Андерсона, наиболее ценной в концептуальном плане среди американских работ, совершенно верно отмечается, что нельзя привязывать марокканский кризис исключительно к географическому месту происхождения. Речь следует вести, прежде всего, об одном из этапов военно-блокового противостояния в Европе. По словам ученого, анатомия данного конфликта в классическом виде воспроизводила основные «элементы, присущие другим кризисам, ведущим к великой войне: желание колониальных захватов, соперничество по торговым и инвестиционным вопросам, национальную честь, принцип баланса сил, приступы страхи и бесстрашия». Несомненную важность имеет главный вывод автора о том, что «марокканская проблема являлась политическим барометром Европы» [\[9, p.VII\]](#). Современные американские работы во многом следуют в русле этой концепции, но теперь упор делается на процессе обретения США репутации надежного партнера в международных делах, одним из ярких проявлений которых стало посредничество Рузвельта в урегулировании региональных конфликтов накануне Первой мировой войны [\[10, 11, 12\]](#).

В связи с тем, что внешняя политика европейских стран в Северной Африке, в том числе и России, уже стала объектом изучения отечественных исследователей, представляется возможным сконцентрироваться в данной статье только на анализе посреднической миссии Рузвельта в урегулировании первого марокканского кризиса, как слабо изученной в российской американистике. Автор попытался выяснить, чем было вызвано желание президента взять на себя функцию третейского судьи и определить, какими способами ему удалось добиться согласия правительств Франции и Германии на организацию мирных переговоров.

На первый взгляд звучит парадоксально, но пацифизм Рузвельта, вошедшего в историю воинственным афоризмом «разговаривай мягко, но держи наготове большую дубинку», объяснялся не абстрактной приверженностью к миру, а имел весьма прагматическую цель – утвердить статус США как мировой державы в условиях обострившегося соперничества европейских государств за контроль над рынками сбыта и источниками сырья. И поскольку вооруженные силы страны, находясь в состоянии модернизации после испано-американской войны 1898 г., были не в состоянии конкурировать с ведущими армиями Европы, президент вынужден был отдавать предпочтение не силовым методам, а превентивной дипломатии для защиты собственных геополитических интересов. Правда, с его точки зрения, для установления мира требовалось нечто большее, чем умозрительное морализаторство, поэтому он не исключал, в случае крайней необходимости, использование «международной полицейской силы, обладающей авторитетом и готовой предотвращать насилие между государствами» [\[13\]](#).

Исходя из этого, возникает логический вопрос о том, какими конкретными мотивами руководствовался Рузвельт, взяв на себя роль третейского судьи в столь острых ситуациях, какими являлась русско-японская война 1904-1905 гг. и первый марокканский кризис 1905-1906 гг. Чем же собственно привлекла американского президента идея посредничества? Ответ предельно прост: посредник является активным участником переговорного процесса и косвенно влияет на их результаты. И действительно, для согласования позиции по тому или иному вопросу Рузвельт, поочередно связываясь с каждой из конфликтующих сторон, выступал не только как своего рода «почтальон»: при передаче информации он старался воздействовать на их позицию, стремясь сдвинуть дело с мертвой точки в поисках взаимного компромисса. Например, в ходе русско-японской войны для установления непосредственного контакта между воюющими государствами он ознакомил их с позицией друг друга, добился

взаимовыгодного компромисса в вопросе о сроках и месте переговоров, согласовал состав и статус назначенных правительствами делегаций. Более того, благодаря плотной вовлеченности в переговорный процесс, он смог внести ряд предложений, ведущих к окончанию войны между Японией и Россией. Немаловажное значение имела организация обеспечения конференции материально-техническими ресурсами: все делегаты были размещены за счет принимающей стороны в гостинице Портсмута, для них была оборудована телеграфная и телефонная связь, определен штат официальных лиц, отвечавших за встречи и проводы гостей т.д. [\[14, с.3-41\]](#)

Не случайно, что два международных события (русско-японская война и первый марокканский кризис), в которых Рузвельт стал посредником, совпали не только по времени, но и стали звеньями одной цепи в становлении мировой политики, как единой системы. Речь идет о весне-лете 1905 г., когда в Вашингтоне принципиально обновлялся механизм выработки и принятия внешнеполитических решений в связи с изменившейся международной обстановкой, связанной с обострением противостояния двух военных блоков. Именно тогда было признано, что в любой кризисной ситуации государства, связанные друг с другом сетью разнообразных договоров, должны встать по ту или иную разделительную линию, практически не имея шансов остаться в стороне. И если Рузвельт усиленно добивался роли медиатора в кровопролитной русско-японской войне, то его поначалу мало интересовал марокканский конфликт. Более того, даже тогда, когда германский император Вильгельм II навязал ему посредничество, он стремился к тому, чтобы его миротворчество не было известно мировой общественности. Дело в том, что помимо общепринятых «добрых» услуг, он активно использовал грубые формы воздействия на оппонентов, вплоть до угроз и шантажа, которые в то время считались в дипломатии неэтичными. Кроме того, он не хотел, чтобы о его участии в европейских делах узнала оппозиция в конгрессе и государственном департаменте, предъявив обвинения в нарушении не только основ изоляционизма, как краеугольного принципа внешней политики США, но и буквы конституции, требующей получения согласия сената на внешнеполитическую деятельность.

Посредническая миссия президента США готовилась в условиях строжайшей секретности. Ее детали прорабатывал и обсуждал узкий круг единомышленников, поэтому все политические решения Рузвельт принимал без согласования с членами собственного кабинета министров, госдепом, конгрессом и дипломатическими службами в европейских странах. Во многом это произошло по воле случая: государственный секретарь Дж. Хэй был тяжело болен и скончался 1 июля 1905 г. в разгар противостояния Германии и Франции. Оставшись без ближайшего сподвижника, Рузвельт временно назначил военного министра У. Тафта ответственным за блок международных дел, а сам негласно обсуждал детали марокканской «сделки» с давними друзьями – влиятельным сенатором Г. К. Лоджем и дипломатом Г. Уайтом, которого он назначил в марте 1905 г. послом в Италию. Непосредственную связь с руководством Германии и Франции президент осуществлял не через американское посольство, а путем личного общения (бесед и переписки) с французским и германским послами в США – Жюлем Жюссераном и бароном Германом Шпек фон Штернбургом, которого он называл просто «Шпек». Комментируя свои многочисленные встречи с ними, президент отмечал, что если с первым он был просто в близких отношениях, то со вторым – «в еще более близких» [\[15\]](#). И поскольку Рузвельт не испытывал симпатии к английскому послу в Вашингтоне Мортимеру Дюранду, контакт с политическим истеблишментом Великобритании он осуществлял через давнишнего друга Сесила Спринг-Райса, возглавлявшего английское посольство в Санкт-Петербурге. Благодаря принятым мерам, механизм принятия

внешнеполитических решений практически исключал утечку информации и позволял Рузвельту соблюдать секретность в разработке и осуществлении посреднической миссии.

Его переписка с правительствами Франции, Германии и Великобритании не только полностью отсутствовала в реестре официальных дипломатических документов, но даже не упоминалась вездесущей прессой тех лет, что существенно обедняет источниковую базу исследования. Даже в «Автобиографии» (1920), где Рузвельт рассказал о собственных достижениях в долгой политической карьере, он скромно, одной фразой, обмолвился о том, что США «оказало существенные услуги по удовлетворительному завершению переговоров в отношении Марокко» [\[16, p.282\]](#). Вместе с тем ограниченный круг лиц, посвященных в закулисную кухню Белого дома, считал его роль в решении марокканского кризиса не менее важной, чем организация Портсмутской конференции [\[17, p.30\]](#).

Только незадолго до смерти в 1919 г. Рузвельт решил рассекретить соответствующую информацию, сообщив официальному биографу Дж. Бишопу о желании раскрыть все эпизоды политической карьеры, опираясь, «насколько это возможно, на собственные письма, высказывания и поступки». В начале 1918 г. он передал писателю личную и официальную переписку, относящуюся к его политической деятельности с момента избрания в легислатуру Нью-Йорка в 1881 г. и до конца жизни. В ходе подготовки к изданию экс-президент не только лично редактировал, но и дополнял недостающим материалом увидевший свет в 1920 г. документальный двухтомник под названием «Теодор Рузвельт и время, показанное в его собственных письмах» [\[18\]](#). Две последние главы первого тома, озаглавленные «Секретная история Альхесирасской конференции», впервые позволили предметно определить его место в решении марокканского кризиса.

Расширение информации об участии Рузвельта в марокканской «сделке» произошло в 1948 г., после того как мемориальная ассоциация, собрав 100 тыс. долл., осуществила 8-томное издание его писем. В 4-м томе, где собрана личная переписка президента с 1903 по 1905 гг., более широко представлены послания его единомышленникам, с которыми он делился сокровенными мыслями о перипетиях марокканского кризиса [\[19\]](#). Дополнительные сведения о деятельности президента можно получить, знакомясь с эпистолярным наследием его друзей, с которыми он обсуждал свои намерения, цели и поиски путей решения сложного международного конфликта [\[20, 21\]](#).

Идея возложить на американского президента роль посредника в урегулировании разногласий с Францией принадлежала германскому императору Вильгельму II. Его беспокоила внешняя политика Франции, Великобритании и Испании, которые к концу 1904 г. посредством двусторонних договоров, не учитывавших интересы Германии, признали «особые» права французов в Марокко, англичан – в Египте, итальянцев – в Ливии, а испанцев – в городах по северному побережью Марокко. Недовольство кайзера подобным территориальным разделом ярко проявилось в заявлении, сделанном 31 марта 1905 г. в марокканском городке Танжер. Ратуя за «свободное Марокко для мирного соперничества всех наций, без каких-либо монополий и аннексий, на началах полного равенства», он объявил, что Франция нарушила условия договора 1880 г., сохранявшего в Марокко неприкосновенность коммерческих интересов ряда европейских стран, включая Германию [\[22, с.232\]](#). Переноса идею императора в практическую плоскость, канцлер Б. Бюлов предложил обсудить вопрос о перспективах развития Марокко на конференции участников Мадридского договора. Тем самым он признал, что формирующийся новый миропорядок требовал международно-правового оформления

быстро развивающихся процессов глобализации на базе этико-политической общности наиболее развитых западных стран. Вопрос о войне как способе решения наиболее спорных проблем в международных отношениях был временно снят с повестки дня, хотя предложения высокопоставленных представителей политического класса Германии сопровождались намеками, что в случае, если Франция их отклонит, ей грозит война.

Танжерская речь кайзера свидетельствовала о жестком столкновении интересов двух держав в Марокко. И если для Франции заинтересованность в этой африканской стране была обусловлена стремлением включить ее в сферу собственных интересов, превратив в протекторат, то для Германии наибольшую важность имело экономическое закабаление региона. По мнению российских ученых, немецких бизнесменов привлекали не только богатые восточными товарами порты, но и рудные ресурсы Атласских гор, тянувшихся от атлантического побережья до Туниса. Показательно, что Германия по темпам экономического проникновения в страну опережала главных конкурентов, а германо-марокканский товарооборот составлял 45 % торгового баланса султаната [\[23, с.194, 24, с.80-81\]](#).

Бросив вызов Франции, кайзер выпустил по сути пробный шар в отношении прочности новорожденной Антанты, надеясь, что поддержка ее ближайшего союзника в лице Англии будет малоэффективной, а Россия, терпя одно за другим поражения в ходе русско-японской войны, не способна должным образом выполнять условия русско-французского договора 1891-94 гг. о военном сотрудничестве. Вильгельм II надеялся, что Австрия, Италия и США поддержат политику «открытых дверей» в торговле на основе равноправия всех наций, граждане которых имеют в Марокко существенные экономические интересы. С точки зрения российских ученых, марокканский кризис представлял собой не просто двусторонний региональный конфликт, а «столкновение целых группировок держав», связанных союзническими договорами, как с Францией, так и с Германией [\[8, с.15-16\]](#). К ним относились 12 держав (Австро-Венгрия, Великобритания, Германия, Бельгия, Голландия, Испания, Италия, Португалия, Франция, Швеция, Россия и США), представители которых на Альхесирасской конференции подписали заключительный акт о завершении конфликта в Марокко.

Впечатление от речи кайзера в Европе было огромным: весь апрель прошел в напряженном ожидании войны в центре континента. Из Берлина постоянно неслись угрозы, а Франция не была готова воевать с Германией, опасаясь, что помощь со стороны Англии, как союзника по Антанте, не будет носить существенный характер. Тем не менее, после долгих размышлений французское правительство решительно отклонило требование Германии. Великобритания, со своей стороны, не только полностью поддержала позицию Франции, но и заявила о невозможности участия в планируемой конференции до тех пор, пока с этим не согласятся французы. Австрия и Италия сдержанно отнеслись к подобному предложению, способному поставить их на грань войны с соседом. В итоге Германия оказалась в дипломатической изоляции. По мнению столпа американской дипломатии Г. Киссинджера, кайзер, поставив на карту собственный престиж, полагал, «что в этом всевозрастающем споре что-то меньшее, чем дипломатическая победа, демонстрирующая бессилие Антанты, окажется для них катастрофой» [\[25, с.168\]](#).

В создавшейся ситуации взоры берлинских стратегов обратились в сторону США, вошедших в круг великих держав после испано-американской войны. Вильгельм II, объявив себя защитником народов Магриба, поспешил привлечь на свою сторону Рузвельта, надеясь заинтересовать его возможностью развития торговли в рамках

политики «открытых дверей». Посол Германии в Вашингтоне Штернбург передал 6 марта президенту особую просьбу кайзера о содействии в решении марокканского кризиса. О ней стало известно из текста частного письма Рузвельта, посланного 28 апреля 1906 г., т. е. годом позже, У. Рейду, американскому послу в Лондоне [\[18, p.468\]](#). На следующий день Штернбург вручил Рузвельту меморандум, в котором Франция и Испания рассматривались как некая «политически сплоченная группа», стремившаяся «поделить между собой Марокко и отсечь остальной мир от его рынков». Вильгельм II утверждал, что «если Испания оккупирует Танжер, а Франция – внутренние районы, то они смогут доминировать во всех направлениях, ведущих на Ближний и Дальний Восток». В ответ Рузвельт вновь заявил о нежелании втягиваться в региональный конфликт. По его словам, он «не видел ясного повода вмешиваться в это дело, поскольку не думал, что это в наших интересах» [\[18, p.468\]](#).

На самом деле президент, находящийся на охоте в западных штатах, оказался застигнутым врасплох, он всецело был поглощен поиском способа, как возглавить переговорный процесс между Россией и Японией, ведущих между собой кровопролитную войну. В феврале-марте 1905 г., когда в ходе Мукденского сражения русская армия потерпела сокрушительное поражение, нарушив, тем самым, зыбкий баланс сил в Восточной Азии, Рузвельт по собственной инициативе приступил к подготовительной работе по организации посредничества. В марте ему без особого труда удалось заручиться согласием Японии, но в отношении России все обстояло значительно сложнее. Ее интересы в то время традиционно лоббировала союзническая Франция, свои услуги предлагали король Великобритании Эдуард VII и германский император Вильгельм II. Вот почему для Рузвельта было важно перехватить инициативу у стран, претендовавших на роль медиатора в русско-японской войне. Одновременное содействие в решении марокканского кризиса тогда еще не входило в его планы.

Однако 5 апреля президент получил очередное послание от кайзера, переданное Штернбургом. В нем говорилось, что поскольку Франция и Англия являются союзниками в рамках Антанты, то следует организовать конференцию всех заинтересованных европейских держав для определения дальнейшей судьбы Марокко. По словам кайзера, «Германия не ищет никаких выгод, а просто защищает свои интересы и выступает за равные права всех наций в регионе... Кроме того, она должна думать о своем национальном достоинстве. Это заставляет указать Франции, что ее национальные интересы не могут быть решены без согласия и сотрудничества с Германией» [\[18, p.468\]](#).

Череда настойчивых посланий от германского императора зародила у Рузвельта мысль о возможности вмешаться в той или иной степени в конфликт соперничавших держав и подкорректировать ситуацию в соответствии с собственным видением расстановки сил в Северной Африке в выгодном для США направлении. В этой связи показательным его распоряжение американскому посланнику в Марокко – «не связывать нас никакими обязательствами, а дружить, как с французами, так и немцами» [\[19, p.1165\]](#). Президент немедленно связался с военным министром Тафтом, предоставив ему полную свободу действий в текущих переговорах с Германией. В письме от 8 апреля 1905 г. он заявил о желании несколько умерить «несбыточные мечтания» кайзера, хотя американцам «в настоящее время нечего делать в Марокко» [\[19, p.1159\]](#).

Рузвельт все еще не видел себя медиатором в регионе, но ситуацию в Магрибе он все же решил изучить более тщательно. Ее анализ он проводил с позиции сформулированной им доктрины баланса сил в кризисных точках мира, какими на рубеже XIX-XX вв. он считал Восточную Азию и Северную Африку, где наиболее остро

проявились колониальные противоречия великих держав. Ход его рассуждений, выдержанный в духе социал-дарвинизма, был таков: внешнеполитические отношения – это арена постоянной борьбы различных государств, в которой побеждает сильнейший, поэтому естественный порядок в мире, регулируемый посредством силы, находит выражение в распределении сфер влияния между главными игроками мировой политики. Рузвельт считал, что корректировка системы внешнеполитических координат в интересах США требует конкретной оценки внутреннего положения и геополитических устремлений каждой влиятельной державы в отдельности. Суть его воззрений раскрыл его приятель Спринг-Райс, размышляя о балансе сил в Европе, сложившихся в 1904-1905 гг. Он писал, что «две великие державы – Россия и Австрия, практически отказались от активного участия в европейских делах, которые их касались. Безусловно, Германия является самой мощной из оставшихся стран, имеющих старую вражду с Францией, которую надо уладить. Если Франция подвергнется нападению, то Россия не сможет ей помочь, а английская армия в настоящее время практически неспособна вести континентальную компанию. Если Франция будет вынуждена признать гегемонию Германии, то Англия останется единственной великой державой, которая держится независимо от европейских дел...» [\[26, p.476\]](#).

Из подобных размышлений вытекало одно – определяя внешнеполитический курс той или иной страны, следует учитывать расклад сил в Европе, но приоритетом считать интересы США. Возможность превращения Великобритании в единственную супердержаву в Европе, способную задавать всем остальным странам правила игры, Рузвельта в корне не устраивала. Ему также претила мысль об усилении Германии, несущей, как он считал, угрозу европейскому равновесию. По словам Г. Киссинджера, Рузвельт «настаивал на необходимости для Америки играть соответствующую роль в международной политике, оправдывая это национальными интересами и полагая, что мировое равновесие сил невозможно, если Америка не является его составной частью» [\[25, с.21, 29\]](#).

Новые сведения о реакции европейских стран на ситуацию в Магрибе поступили к Рузвельту в середине апреля, когда германский посол вручил ему очередное послание кайзера. В нем говорилось о поддержке позиции Берлина итальянским правительством из-за желания Франции и в дальнейшем «продолжать агрессивную политику в Марокко, направленную на нефранцузские интересы, если она будет уверена в том, что ее поддержит Англия... силой оружия» [\[18, p.468\]](#). Исходя из этого, Вильгельм II полагал, что позиция Лондона во многом будет зависеть от решения Вашингтона, поэтому для него важно, чтобы Рузвельт уговорил английское правительство принять участие в готовящейся конференции, призванной решить все спорные вопросы по Марокко. Однако в ответ президент вновь подтвердил нежелание втягиваться в региональный конфликт. «Как я уже говорил вам, я не люблю занимать позицию в подобных вопросах, если не намерен ее полностью поддержать, а наши интересы в Марокко недостаточно велики, чтобы я чувствовал себя оправданным для вовлечения правительства в это дело». Круг сиюминутных интересов он свел к ситуации в Латинской Америке (Венесуэле, Панаме и Санто-Доминго), а в Восточной Азии – достижению «сердечного согласия с императором по поводу Китая и русско-японской войны» [\[19, p.1165-1166\]](#). Что же касается Европы, то администрация США стремилась не допустить усиления какого-либо государства в рамках международной системы, чтобы сохранить зыбкое равновесие сил. В письме Тафту, написанному 20 апреля, Рузвельт подтвердил курс на соблюдение невмешательства в марокканский кризис. «Несбыточная мечта кайзера... принимает форму Марокко. Шпек написал мне о важности срочного обращения к британскому

правительству для выяснения, намерено ли оно поддерживать Францию в пожирании Марокко ... Я не считаю, что, нам, как правительству, нужно вмешиваться в марокканское дело. У нас есть другие дела, и у нас нет реального интереса в Марокко. Я не хочу принимать сторону, ни Франции, ни Германии», – утверждал он [\[19, p.161-1162\]](#).

Вместе с тем президент заявил о важности скорейшего примирения европейских держав. По его словам, «кайзер абсолютно уверен, что Англия собирается напасть на него. Английское правительство, как и большая часть английского общества, одинаково уверены, что Германия намерена напасть на Англию. В настоящий момент, с моей точки зрения, действия Германии, которая сцепилась с Францией из-за Марокко, являются доказательством того, что у нее нет ни малейшего желания напасть на Англию. Я совершенно уверен, что Англия абсолютно переоценивает, равно, как и неверно оценивает, единство целей Германии». Именно поэтому, с его точки зрения, важно выявить истинные намерения англичан и сообщить об этом кайзеру. Отсюда поставленная перед Тафтом задача заключалась в следующем: встретиться с британским послом и «осторожно объяснить ему, что мы не принимаем сторону, ни Франции, ни Германии, а просто хотим передать Англии запрос Германии... и выяснить у сэра Мортимера, каковы взгляды британского правительства по этому вопросу» [\[19, p.162\]](#).

25 апреля Штернбург в очередной раз обратился к Рузвельту, заявив, что кайзер будет ему чрезвычайно благодарен, если тот сообщит английскому правительству о желании согласовать взаимные интересы в отношении Марокко. В новом меморандуме, присланном 13 мая, посол критиковал англичан за отказ участвовать в запланированной конференции и утверждал, что «Англия откажется от этого и любого другого плана, если вовремя обнаружит, что ей будет противостоять Америка». В конце послания он дословно привел слова кайзера, в которых содержалась неприкрытая угроза. Тот просил передать, что «поддерживает договорные права, предоставленные всем. Только если он обнаружит, что не получит никакой поддержки от заинтересованных договорных держав в связи с политикой «открытых дверей» и созывом конференции, то он будет вынужден думать только об интересах Германии. Только тогда и не раньше, ему придется выбирать между возможностью войны с Францией и рассмотрением условий, которые Франция может предложить во избежание войны». Посол повторил слова Вильгельма II, что «Германия не добивается никаких приобретений в Марокко, она просто отстаивает свои интересы и защищает там равные права всех наций [\[19, p.1165\]](#).

В тот же день Рузвельт решил прозондировать ситуацию в Лондоне неофициальным путем, отправив 13 мая послание своему приятелю Спринг-Райсу. В нем он, с одной стороны, клялся в вечной дружбе к англичанам, а с другой, заверял в невозможности, как нападения Германии на Англию, так и формирования антианглийской континентальной коалиции. Вердикт президента был четок: «Если кайзер когда-либо и причинит неприятности, то только из-за своей нервозности, а не тщательно продуманной и преднамеренной цели. Другими словами, он просто склонен раздражаться и выглядеть неприятным, чем представляться опасным соседом» [\[19, p.1179\]](#).

Спустя несколько дней Рузвельт вновь дал нелицеприятную оценку марокканской политике Вильгельма II в письме к давнему другу Г. К. Лоджу. Он писал, что ему претит «вступать в тесный союз с человеком, который так нервничает, что малоспособен на непрерывные действия, а потому мало способен быть верным друзьям и непоколебимо враждебен врагам» [\[19, p.1181\]](#). Позднее эмоционально выраженную точку зрения Рузвельта воспроизвел упоминавшийся ранее Г. Киссинджер, утверждавший, что, «в продолжение всего правления кайзер более умело организовывал кризисы, чем с ними

справлялся. Драматические столкновения его возбуждали, но нервов для продолжительной конфронтации у него не хватало» [\[25, с.168\]](#).

В условиях растущей напряженности в Европе, когда франко-германские противоречия оказались в центре борьбы формировавшихся военных блоков, Рузвельт, наконец, осознал, что «отношения между двумя странами приняли настолько острый характер, что война между ними становится неизбежной» [\[18, p.503\]](#). До него доходили слухи, с одной стороны, о плане вторжения во Францию, разрабатываемом начальником германского генштаба А. фон Шлиффеном, а с другой, – о переговорах, ведущихся между военным командованием Англии и Франции относительно совместных действиях на случай войны с Германией. В частной переписке Вильгельм II открыто грозил Франции применением силы, утверждая, что «если Англии удастся добиться отказа Франции от участия в конференции по урегулированию марокканского вопроса, то Германии придется выбирать между войной и достижением взаимопонимания с Францией» [\[18, p.470\]](#).

Конечно, в такой сложной международной обстановке не обходилось без дипломатических интриг. Так, в конце мая германский посол просил Рузвельта уточнить распространившуюся в японской печати информацию, идущую якобы из Вашингтона, о заключении русско-германского союза против Японии и Англии, хотя Германия никогда не заключала подобных сделок. Президент отверг любую возможность утечки информации со своей стороны, заявив, что его частная переписка никогда не была и не будет в дальнейшем предана огласке, особенно в связи с тем, что в ней так много говорится о возможности союза России и Франции против Германии. Рузвельт утверждал, что не считает возможным организацию кайзером «основательных козней» против европейских держав, так как «его дела и слова в отношении России и Франции в течение последних нескольких месяцев... несовместимы с какой-либо серьезной целью, чтобы заставить эти две страны активно или пассивно поддержать его в войне с Англией» [\[19, p.1194\]](#).

Возможность наведения мостов между конфликтующими державами возникла месяцем позже, когда 29 мая поступила информация от германского посла о том, что правительства Англии и Франции договорились о передаче Германии части Марокко под названием «сфера интересов». При этом они сослались на важность «сохранения статус-кво, открытых дверей и равного отношения ко всем нациям, чьи права были установлены в договорном порядке» [\[18, p.475-477\]](#). Тем самым германскому правительству предложили полюбовно урегулировать двусторонние отношения без созыва конференции, но Вильгельм II на это не пошел. По его словам, «вот любопытный случай: нас могут принудить к войне не потому, что мы захватили чужую землю, а потому, что отказываемся ее брать». В этой связи советский историк Е. В. Тарле, иронично комментируя демарш кайзера, заметил, что «долго и горько пришлось германским дипломатам каяться и признаваться в этой роковой ошибке: случая утвердиться в Марокко уже больше не никогда представлялось [\[27, с.57\]](#).

Двумя днями позже Рузвельт получил следующий меморандум от кайзера, в котором тот вписал марокканский вопрос в общий международный контекст, рассматривая его как платформу для перегруппировки европейских держав. Он планировал создание четвертного союза, включив в него Францию для оттеснения Великобритании от европейских дел. Однако реализации его плана помешала смена правительства в Лондоне. Назначенный на пост министра иностранных дел опытный дипломат Э. Грей, разгадав коварный замысел кайзера, сообщил в Париж, что при любом развитии

событий французское правительство может рассчитывать на полную поддержку Великобритании.

В такой взрывоопасной ситуации кайзер, не получая адекватного ответа из Вашингтона, стал настойчиво требовать встречи с госсекретарем Хэйем для детального разъяснения своей позиции. Рузвельт ответил отказом, при этом речь шла не столько о неспособности этого смертельного больного человека вести сложную дипломатическую игру, сколько в его германофобии, не позволившая президенту санкционировать прямое общение с Вильгельмом II [\[19, p.1271\]](#). Через несколько недель президент сообщил дипломату, что тот может отдыхать все лето, а бразды правления в госдепе он временно берет на себя [\[19, p.1216\]](#). В дальнейшем лавирование между Германией и Францией президент осуществлял в одиночку, о его дипломатических маневрах мало кто знал.

В конце мая Рузвельт счел возможным завершить сезон охоты и лично заняться урегулированием марокканского кризиса. Первым делом он встретился с французским и германским послами, чрезвычайно обеспокоенными углублением франко-германского противостояния. Президент побеседовал и с английским послом, которого не пугал факт военного конфликта между великими державами, он был даже «готов столкнуться с возможностью войны», чтобы увидеть кайзера униженным отказом Франции участвовать в готовящейся конференции [\[18, p. 474-475\]](#). Дюранд по сути эмоционально озвучил официальную точку зрения английского правительства. Вот почему, размышляя о путях решения марокканского кризиса, Рузвельт решил налаживать контакт, в первую очередь, не с Англией, а с Францией, которую больше всего беспокоила ситуация в Марокко. «Говорить с Англией бесполезно, ибо я чувствовал, что если война разразится, чтобы не случилось с Францией, это принесет Англии огромную выгоду, в то время как Германия потеряет свои колонии и возможно флот», – утверждал он [\[19, p.1257\]](#).

Вместе с тем отвечая на официальную просьбу Лондона, Рузвельт поспешил связаться с Спринг-Райсом, будучи в полной уверенности в том, что изложенная им конфиденциальная информация дойдет без искажения до английских официальных структур. Тогда же он обратился к влиятельному сенатору Лоджу за содействием в замене посла Дюранда на близкого ему по духу дипломата. Но просьба Рузвельта была англичанами отклонена, хотя тот недоумевал, почему посольство Великобритании возглавляет «добрый сэр Мортимер, обладающий такой консистенцией бараньего сала». В любом случае, из реплик президента следовало, что возможность плодотворного сотрудничества с английским правительством по урегулированию марокканского кризиса в тот момент была отвергнута. Тем не менее, не желая осложнять отношения с Лондоном, Рузвельт послал американскому послу в Лондоне У. Рейду письмо, в котором просил передать королю наилучшие пожелания и заявить о желании оставаться с ним и в дальнейшем «в хороших отношениях» [\[19, p.1221\]](#).

Германский посол сообщил Рузвельту 5 июня, что английский министр иностранных дел Г. Ленсдаун лично занялся рассмотрением вопроса о планируемой конференции, хотя и счел «неудачным предложение о совместных действиях держав, представленных в Марокко, и возможно планирующим поставить Францию в неловкое положение» [\[18, p.474\]](#). На следующий день, 6 июня, Рузвельт сообщил Рейду, что «не знает, как США смогут участвовать в марокканской конференции, если Франция ответит отказом» [\[19, p.1207\]](#). Одновременно американский посол Уайт сообщил из Рима, что итальянское правительство считает неизбежным созыв конференции, в то время как британский посол заверял, что она никогда не состоится [\[18, p.474-475\]](#).

Кайзер передал Рузвельту 11 июня (через посла Штернбурга) очередное воинственное послание, содержащее явную угрозу объявления войны Франции. В нем говорилось, что по неофициальным данным «Англия сделала Франции официальное предложение вступить с ней в наступательный и оборонительный союз, который был бы направлен против Германии. В настоящее время ведущие государственные деятели Франции выступают против такого союза, поскольку большинство членов французского правительства все еще надеются прийти к удовлетворительному соглашению с Германией». В этой связи кайзер, наставляя на проведении конференции, вновь настойчиво просил Рузвельта оказать ему в этом содействие. Он утверждал, что «если бы вы сейчас намекнули в Лондоне и Париже, что... считаете созыв конференции наиболее удовлетворительным средством мирного разрешения марокканского вопроса, то оказали бы миру на земле еще одну большую услугу, не подвергая себя никакому риску» [\[18, p. 475-477\]](#).

В ситуации, когда в Европе реально запахло порохом большой войны, позиция Рузвельта коренным образом изменилась. «Действительно, все выглядело так, как будто может начаться война, и я чувствовал себя обязанным ее предотвратить; если бы мог; во-первых, потому что я должен был чувствовать, что такая война станет настоящим бедствием для цивилизации; во-вторых, я чувствовал, что поскольку смог добиться мира между Россией и Японией, новый конфликт может привести к тому, что буквально станет мировым пожаром...», – писал он [\[18, p.476\]](#). Именно тогда началась серия интенсивных переговоров президента с французским послом Жюссераном, с которым у него завязались доверительные отношения. Рузвельт убеждал его, «во-первых, в большой опасности войны для Франции и в том, что британская помощь может оказаться неэффективной в случае такой войны, потому что Франции будет угрожать вторжение по суше». По его словам, в случае «если состоится конференция держав, то Франция будет иметь все основания полагать, что она не санкционирует несправедливое ущемление Германией французских интересов, и что если все державы... займут на конференции благоприятную для Франции позицию по этому вопросу, то для Германии станет почти невозможным напасть на нее». Не скупясь на обещания, Рузвельт клялся высказать «очень сильные соображения против любого предложения Германии, которое покажется ему несправедливым и нечестным» [\[18, p.478\]](#).

Уговаривая французское правительство пойти на уступки, президент заверял, что не примет приглашения на конференцию без его согласия. Подобное обещание не представляло ничего экстраординарного и шло в русле общей стратегии лавирования между Францией и Германией в достижении компромисса. Ведь именно тогда даже Италия ясно дала понять кайзеру, что ничего не будет делать без согласия французов, а английский министр иностранных дел Ленсдаун прямо предупредил германского посла, что не даст гарантии того, как Лондон отреагирует, если Германия нападет на Францию.

Усилия Рузвельта не прошли даром. Вскоре французское правительство дало согласие на созыв конференции, сочтя участие в ней самым законным и безопасным способом прояснить ситуацию в отношении Марокко [\[19, p.1251\]](#). 23 июня Жюссеран получил депешу от министра иностранных дел М. Рувье, в которой говорилось, что «во время прошедших бесед президент Рузвельт пришел к выводу, что, как бы несправедливо со стороны Германии не было объявлять войну при существующих обстоятельствах, тем не менее, это возможно, и что этого следует избегать путем примирения, и что конференция среди уступок, на которые мы могли бы пойти, могла бы быть, без сомнения, наименее нежелательной. Сообщая президенту наш ответ на немецкую ноту, будьте добры

передать, что его идеи и советы вдохновили нас на принятое решение» [\[18, p.478\]](#).

Обещая поддержку Франции, Рузвельт был вынужден вести тонкую дипломатическую игру с кайзером. Общение с ним осуществлялось преимущественно через германского посла в Вашингтоне, при этом каждое из посланных ему писем он показывал Жюссерану, чтобы тот не мог обвинить президента в двуличии, ведь слова президента в ряде мест можно было истолковать как акт поддержки Германии, а не Франции. Так, например, в письме от 23 июня он раскрыл конфиденциальную информацию, еще не достигшую Берлина, о согласии французского правительства на участие в марокканской конференции [\[18, p.480-481\]](#). Наибольший интерес вызывает его искреннее признание в том, что он долго «не верил в то, что император сможет заручиться согласием французов и созвать конференцию, которая, несомненно, приведет к мирному решению всех проблем.. Это дипломатический триумф первой величины» [\[19, p.1251\]](#).

Четко проводя в жизнь доктрину о балансе сил между великими державами в Магрибе, Рузвельт действовал нетрадиционными способами. В частности, он не раз сообщал, как Франции, так и Германии, конфиденциальные сведения, которыми с ним делились конфликтующие стороны. Между тем разглашать информацию без согласия партнера всегда считалось нарушением дипломатического этикета, но Рузвельт, невзирая на правила международного протокола, создавал новые принципы общения с деловыми партнерами. Так, 25 июня в письме к Жюссерану он сообщил об отказе от делегирования американского представителя на готовящуюся конференцию без одобрения его кандидатуры в Париже, хотя в то же время потребовал ее провести в Марокко, о чем настаивал император Вильгельм II [\[19, p.1287\]](#). Тогда же в письме к Штернбургу он раскрыл содержание секретной телеграммы, посланной в Вашингтон французским министром иностранных дел Рувье. В ней обсуждался факт беседы посла с «президентом Рузвельтом, который просил сообщить, что, по его мнению, в нынешних обстоятельствах следует проявлять большую осторожность и что мы должны рассматривать идею конференции в качестве уступки, которую можно сделать». Министр утверждал, что «сначала мы думали, что для того, чтобы избавиться от ложных впечатлений о нашей акции в Марокко, достаточно показать, что она ничьим интересам не угрожает. Но теперь мы пошли дальше и заявили, что готовы принять идею конференции, несмотря на серьезные причины, по которым мы должны были возражать против такого проекта».

Объясняя Штернбургу свой замысел, президент лицемерно утверждал, что «решил представить это дело французскому правительству только потому, что хотел сделать все, что в его силах, откликаясь на просьбу императора и, конечно, также потому, что осознавал чрезвычайную важность сделать все возможное для сохранения мира во всем мире... Французское правительство сделало именно то, о чем просил император и к чему я призывал....Я верю, что император понимает, что я ни за что не посоветовал ему сделать что-либо, что было бы против интересов, чести его или его народа...» [\[19, p.1256\]](#). Восхваляя Вильгельма II, как человека, сумевшего усадить Францию и Германию за общий стол переговоров, Рузвельт не скупился на комплименты относительно навыков профессионального общения кайзера в сфере дипломатии, который «добился того, чего, по словам его противников в Англии и Франции, он никогда бы не добился» [\[19, p.1257\]](#). Излишние похвалы Вильгельму II, падкому на лесть, прикрывали истинные намерения президента скрывать, до поры до времени, свою закулисную игру в пользу Франции.

Вечером 25 июня Рузвельт вновь встретился с Штернбургом. О содержании их разговора мы узнаем, как это ни парадоксально, из срочной телеграммы французского посла

Жюссерана, отправленной в тот же день в Париж. Ее текст был таков: «президент объяснил мне, что сегодня вечером у него состоится очень серьезный разговор с бароном Штернбургом, в ходе которого он будет настаивать, во-первых, на том, что император должен сам о себе позаботиться, как и о своей славе в истории, ибо никто не поймет и не простит войны, развязанной по легкомысленным причинам....С другой стороны, он будет ссылаться на риск, которым страна подвергнется, опираясь на мнение французских экспертов о состоянии французской армии и говорить, что ... победа Германии, никоим образом не гарантирована». Приведя массу доводов о целесообразности уступок со стороны Германии, Рузвельт завершил беседу следующим пассажем: «в любом случае вы можете быть уверены, что я буду, как можно, более энергичным ради дружественного взаимопонимания, и что я не буду пренебрегать ничем, что, как кажется мне, способствует такой цели». Жюссеран рассыпался в благодарностях, но Рузвельт его остановил, «сказав, что все, что он делает, слишком естественно, чтобы заслуживать благодарности» [\[18, p.479-480\]](#). Президент явно скромничал, чувствуя себя вершителем судьбы европейского «концерта».

Руководители Франции и Германии после принятия решения об участии в марокканской конференции долго не могли договориться между собой о том, какие вопросы стоит обсуждать, а какие – нет. Французов больше всего беспокоило отсутствие решений на ряд логически вытекавших вопросов из самого факта созыва конференции, поскольку «до настоящего времени невозможно с уверенностью определить ближайшую цель Германии». Как отмечал французский министр иностранных дел, «германский посол уверяет нас, что для Германии во всем этом деле есть только вопрос формы и этикета, что нужно только проверить право государств, подписавших мадридскую конвенцию Остальное, говорит он, есть только дедукция, которую он ... избегает делать в отношении позиции, которую германское правительство займет на конференции». Рувье просил Жюссерана уговорить Рузвельта «взять на себя инициативу» в урегулировании этого спорного момента [\[18, p.479-480\]](#). Тот не заставил себя ждать и в тот же день, 23 июня, в письме к Штернбургу, отметил, «как само собой разумеющееся, что программу конференции необходимо составить заблаговременно в соответствии с обычным порядком в таких случаях...» [\[19, p.1251\]](#).

Обсуждение разных версий повестки дня зашло так далеко, что оба посла, германский и французский, неожиданно явились к Рузвельту на прием, заявив, что обе страны находятся на грани срыва переговоров. Тогда президент взял карандаш и бегло набросал меморандум следующего содержания: «оба правительства согласны пойти на конференцию без программы и обсудить там все вопросы, касающиеся Марокко, за исключением, конечно, тех случаев, которые связаны предыдущим соглашением с другой державой». Он вручил каждому послу копию меморандума с тем, чтобы они передали его своим правительствам на утверждение, порекомендовав оформить документ в виде соглашения, добровольно заключенного между Францией и Германией [\[18, p.485\]](#).

28 июня Жюссеран подготовил меморандум правительству, который базировался на предложении Рузвельта. В нем говорилось, что посол долго размышлял «о причинах, по которым мы отказываемся от всякой идеи конференции, не составив предварительной программы». В качестве выхода из сложившейся тупиковой ситуации он привел действия президента Рузвельта, который «взял лист бумаги и попытался найти какую-то формулу, приемлемую для обеих стран и в то же время уважающую самолюбие Вильгельма II и наши права». По словам Жюссерана, «президент никоим образом не уверен, что это есть

идеальная и низменная формула, но он надеется, что она, возможно, может стать основой взаимопонимания» [\[18, p.485-486\]](#).

28 июня Штернбург сообщил Рузвельту о содержании только что полученной телеграммы из Берлина, в которой выражалась благодарность в связи с его последним шагом, предпринятым по марокканскому делу. От имени правительства посол заявил, что «весьма признателен, если и в дальнейшем вы будете предлагать свое посредничество». Однако Рузвельт, как опытный политик, принял к сведению не похвалы, которые естественно были ему приятны. Его внимание привлекла фраза из текста телеграммы, на которой в дальнейшем была построена вся стратегия общения с кайзером. По словам германского посла, Вильгельм II просил передать Рузвельту, что «в случае каких-либо разногласий между Францией и Германией на предстоящей конференции, он в любом случае будет готов поддержать решение, которое вы сочтете наиболее справедливым и целесообразным» [\[18, p.487\]](#). Впоследствии выяснилось, что посол неправильно истолковал слова Вильгельма II, поскольку в телеграмме говорилось, что канцлер Бюлов только собирался просить кайзера одобрить предложения Рузвельта, но подобная оговорка, свидетельствующая о непрофессионализме дипломата, дорого стоила Германии. Ухватившись за эту фразу, Рузвельт сразу же сообщил правительству Франции о возможности давления на Германию, тем самым, встав окончательно на сторону французов. О своем решении он иносказательно дал понять и кайзеру, попросив не возлагать на него особых надежд, поскольку сам он не был уверен в том, что в состоянии их оправдать: «в таких делах, как мирные переговоры между Россией и Японией или марокканской сделке, я не могу делать больше определенного объема, поскольку не хочу, чтобы люди думали, что я вмешиваюсь слишком сильно...», – утверждал президент [\[19, p.1289\]](#).

6 июня канцлер Бюлов издал циркулярную ноту, в которой призывал европейские страны принять приглашение султана о проведении совместной конференции по вопросам Марокко. Многие из них дали свое согласие только после подписания Францией и Германией предварительного соглашения. Рузвельт был информирован об этом факте 11 июля. В письме от Жюссера сообщалось, что французское правительство одобрило проект меморандума, предложенный президентом [\[18, p.488\]](#). В тот же день американский посол Тауэр прислал Рузвельту телеграмму из Берлина о подписании соглашения между Германией и Францией в отношении Марокко. В ней говорилось, что министр иностранных дел просил передать, что германское правительство «высоко ценит то, что он сделал для скорейшего и мирного решения данного вопроса». Согласие великих держав участвовать в конференции по Марокко означало несомненный успех личной дипломатии Рузвельта. Месяцем позже, 9 августа, посол Жюссеран от имени французского правительства передал президенту благодарность за работу, оказанную при подготовке конференции в Марокко, а министерство иностранных дел Германии выразило свою признательность телеграммой. Однако президенту важны были не благодарности от царственных особ, ему более импонировала приписка, сделанная кайзером о том, что «он поручил своему делегату голосовать точно также, как и представитель США» [\[19, p.1272-1273\]](#).

Новая проблема возникла в связи с выбором места проведения конференции. Вильгельм II настаивал на том, чтобы конференция была проведена в Марокко, а Франция считала Танжер «плохим выбором, где каждая миссия имеет свою клиентуру». Вот почему Рузвельту пришлось вновь напрямую связываться с кайзером и объяснять ему возможности проведения конференции в Испании или Швейцарии [\[19, p.1289\]](#). В конечном

счете, его предложения были сняты, а местом проведения конференции определен испанский город Альхесирас.

Выбор делегатов неожиданно вызвал ряд проблем. Президент сначала остановился на кандидатуре известного дипломата Дж. Х. Чоата. Вводя его в курс дела, он отмечал важность урегулирования франко-германских отношений, но в то же время указывал на ряд деликатных вопросов, обусловленных тем, что США «стоят за Францию и одновременно стремятся сохранить хорошие отношения с Германией». По словам Рузвельта, у США «нет интереса в этом деле, но сохраняется интерес в стремлении удержать лодку на ровном киле в Европе» [\[19, p.1302\]](#). Правда, вскоре он изменил свое решение: Чоат был послан руководителем американской делегации на мирную конференцию в Гааге, а в Альхесирас отправлен посол в Италии Г. Уайт, профессионально разбиравшийся в комплексе противоречий между европейскими странами в Северной Африке. В помощь ему был направлен генеральный консул в Марокко С. Гамерре, которому было дано указание защищать позицию Франции, но без фанатизма. Текст инструкции, подготовленный Лоджем, гласил: «Помогите Франции получить то, что она должна иметь, но не принимайте бой на свои плечи. Помогите ущемить интересы Франции там, где они должны быть ограничены, но не принимайте бой на свои плечи. В более широком и действительно важном смысле конференция призвана сыграть важную роль в европейской политике, чтобы сохранить мир и сделать так, чтобы любому государству было, как можно сложнее, затевать ссору» [\[28, p.267-268\]](#).

В середине августа были закончены все приготовления к конференции: Рузвельт с удовлетворением констатировал, что ему удалось «в общих чертах выработать конфигурацию, на основе которой объединились Франция и Германия» [\[19, p.1303\]](#). Однако начало конференции было отложено более чем на полгода из-за проволочек, связанных с поименным составом делегаций. И хотя президент предпочитал и в дальнейшем оставаться в тени, передоверив решение марокканского вопроса госсекретарю Э. Руту, сменившего покойного Хэя в госдепе, он был в курсе всех дел. О закулисных интригах, происходивших на открывшейся в январе 1906 г. конференции, ему сообщали французский и германский послы, при этом Жюссеран передавал информацию устно, а Штернбург – в письменном виде.

Дискуссии носили ожесточенный характер, поскольку, по словам Рузвельта, «Германия стремилась к разделу Марокко, что было полной противоположностью, тому, о чем она... объявляла», а французы не уступали. Американская позиция не претерпела особых изменений, поскольку президент считал, что «интересы Франции и Испании в Марокко, гораздо шире, чем интересы других держав» [\[18, p.489\]](#). Об этом хорошо знало французское правительство, поскольку Рузвельт продолжал тайно знакомить Жюссерана с текущей дипломатической перепиской. Вильгельм II с опаской наблюдал за стремлением США занять видное место в мировом сообществе после Портсмутского мира, в заключение которого он принимал самое деятельное участие. В письме к князю к Ф. Эйленбургу он сетовал, что «если президент Рузвельт окажется в еще большей степени в центре внимания, то Европа скоро получит дозу американской политики, от которой у нее перехватит дух» [\[29, p.407\]](#). Однако оставшись без союзников, кайзер был вынужден принять правила заданной из Вашингтона игры, рассчитывая на поддержку «тайного» друга во время ключевых голосований на конференции.

Противоречивые геополитические интересы Франции и Германии обусловили в ходе переговоров острую полемику по двум вопросам – об организации марокканской полиции как основы вооруженных сил и о банке как главном орудии проникновения в

экономику страны. Германия хотела сделать банк международным с равными долями участия всех заинтересованных сторон, а Франция, хотя и не выступала против его интернационализации, требовала для себя намного большего пая ввиду выдачи султану займа в 62,5 млн франков. Кроме того, французы настаивали на передаче им совместно с Испанией полиции во всех портах с подотчетностью султану, а не дипломатическому корпусу, с чем Германия не могла согласиться.

Затянувшиеся переговоры вынудили Рузвельта в очередной раз вмешаться в ход событий. От его имени госсекретарь Рут направил 19 февраля 1906 г. меморандум Штернбургу, в котором содержались конкретные предложения по достижению компромисса. Речь шла о том, чтобы «поручить султану Марокко организацию полицейских сил в пределах владений, предоставить ему определенные средства и установить международный контроль по контролю над ними». Госсекретарь утверждал, что проект был разработан для того, «чтобы придать ему такую форму, которая позволила бы сделать, как можно более легкими, уступки со стороны Франции и.... сохранить принцип «открытых дверей», не признавая необоснованных претензий, основанных на территориальной близости и преобладании торговых интересов» [\[18, p.489\]](#).

Ответ из Берлина последовал незамедлительно. В меморандуме от 22 февраля Вильгельм II, выразив Рузвельту благодарность за «предложение выступить посредником в марокканском вопросе», одобрил ход его мыслей. Более того, он счел «здоровой идеей, чтобы средства на содержание полицейских сил должны поступать из создаваемого государственного банка Марокко, и что все державы могут в равной степени участвовать в его работе». Наибольшее неприятие с его стороны вызвало предложение Франции об отборе исключительно французских и испанских офицеров для работы в полиции по причине нарушения принятого на конференции принципа, согласно которому «все державы должны иметь равное обращение». Ему также претила идея об их назначении правительствами этих же стран, а не султаном, что означало, с его точки зрения, установление в регионе своеобразного «франко-испанского мандата» в ущерб интересам других заинтересованных сторон. Кайзер считал, что «можно было бы позволить султану выбирать должностных лиц из числа тех стран, которые участвуют в новом государственном банке, а, следовательно, имеют наибольшие интересы» в регионе. Он был даже готов передать полицейский контроль в Танжере в руки французских офицеров, но чтобы работа во всех остальных портах осуществлялась на основе сотрудничества служащих различных стран [\[18, p.491-492\]](#). Однако позиция Франции была непреклонна – доступ в полицию может быть открыт исключительно французам и испанцам.

7 марта 1906 г. Рузвельт передал кайзеру новое послание. В нем говорилось, что он самым серьезным образом обдумал его предложения и должен заявить, что не желает «просить Францию идти на дальнейшие уступки, чем того требует соглашение». По словам президента, он бы с удовольствием не взялся за посредническую миссию, действуя строго в рамках традиционного для США изоляционизма, но текущие события побуждают делать все, что в его силах, для урегулирования регионального конфликта. Он напомнил кайзеру, что именно по просьбе Германии «он настоятельно призвал Францию согласиться на участие в конференции, дав ей очень твердые заверения в том, что будет принято решение, согласующееся с беспристрастным взглядом». Обоснованность этих заверений он усматривал в тексте письма Штернбурга от 28 июля 1905 г., в котором кайзер обещал поддержать решение, которое Рузвельт сочтет «наиболее справедливым и целесообразным».

Президент считал, что настало время взять за основу ранее достигнутую договоренность, поскольку тогда «Франция откажется от своих притязаний на право контроля за Марокко, которые могут быть удовлетворены только двумя державами, с которыми она заключила договоры, и не будет нести ответственность перед остальными миром, а совместно с Испанией примет от всех держав мандат, на которых лежит ответственность за поддержание равных прав и возможностей» в регионе. И хотя Рузвельт доказывал, что рассматривает марокканский кризис с точки зрения наблюдателя, дружественного к обеим противоборствовавшим сторонам, в его словах чувствовалась явная угроза. Он утверждал, что «если конференция потерпит неудачу из-за того, что Германия настаивает на давлении на Францию сверх меры, ... то общее мнение в Европе и Америке окажется неблагоприятным» [\[18, p. 493-494\]](#). Сухой и угрожающий тон письма свидетельствовал о том, что президент, сбросив маску стороннего наблюдателя, откровенно подыгрывал Франции.

Именно тогда Вильгельму II стало ясно, что на конференции Германия оказалась в изоляции, а Франция получила мощную поддержку не только со стороны Англии, России, Италии, но также и США, открыто признавших законные интересы Франции в Марокко. Единственной страной, поддержавшей Германию, оказалась Австро-Венгрия, которая предложила внести коррективы в проект договора с учетом пожеланий кайзера. Австрийское предложение меняло принцип организации полиции в регионе: охрана основных марокканских портов вверялась в руки французов и испанцев, действовавших под надзором швейцарского инспектора, должного отчитываться перед султаном. Именно в этой идее император увидел возможность некоей реабилитации собственного замысла.

13 марта Штернбург передал президенту письмо Вильгельма II, где тот благодарил его «за неоднократные добрые услуги по достижению удовлетворительного для всех заинтересованных сторон решения марокканского вопроса» и соглашался принять его рекомендации в качестве «основы для взаимопонимания», отнесся возникшие сомнения «только в отношении того, дадут ли предложенные вами правила контроля полную гарантию с международной точки зрения». Однако самое неприятное для президента состояло в том, что кайзер объявил о желании принять план Австро-Венгрии «в виду его особого международного характера» [\[18, p.495-496\]](#).

Переход посредничества в руки Австро-Венгрии был в корне неприемлем в Вашингтоне, поэтому 17 марта госсекретарь обратился к германскому послу с разъяснением позиции американского правительства. Австрийские предложения были отвергнуты по причине «существенного отступления от принципа, провозглашенного Германией и поддержанного США, согласно которому все торговые страны имеют право держать двери открытыми для осуществления равных торговых возможностей в Марокко, из чего следует принцип, что ни одна держава не должна приобретать контроль над территорией Марокко, оправдывая ее веру в то, что она может, в конечном счете, рассматривать эту территорию как собственную, исключая другие страны». Американцев также не устроил принцип организации полиции в портах, означавший «потенциальный раздел территории в нарушении принципа, оговоренного с Германией». Конец послания был всецело посвящен обоснованию нецелесообразности отказа Германии от посредничества США. «Если бы у нас был достаточный интерес в Марокко, чтобы оправдать наши усилия, мы бы сами серьезно возражали против принятия такого соглашения. Однако у нас нет такого существенного интереса в Марокко, который позволил бы нам пойти по этому пути. Наше главное желание состоит в том, чтобы быть полезными в содействии мирному урегулированию спора» [\[18, p.497-498\]](#), – говорилось в меморандуме госсекретаря Рута.

Ответ из Берлина, в котором выражалось глубокое сожаление в связи с неприемлемостью для правительства США позиции Германии, был получен 19 марта в телеграмме Штернбурга, отправленной на имя президента в обход государственного департамента. «Кайзер предложил провести конференцию с тем, чтобы найти мирный путь решения марокканского вопроса. Он высоко ценит основополагающую идею вашего предложения: сотрудничество французских и испанских офицеров должно быть примерно поровну в каждом из портов. Он с готовностью присоединится к любому предложению на конференции, содержащему наличие смешанной системы и генерального инспектора, с которым Франция согласилась в принципе... Немедленное устранение всех недоразумений для Германии гораздо важнее, чем все марокканское дело», – таков был окончательный вердикт [\[18, p.499-500\]](#).

Внимание Рузвельта привлекла последняя фраза телеграммы, соответствовавшая в большей степени канонам дипломатического этикета, чем раскрытию истинных планов Германии. Ухватившись за нее, он ультимативно заявил, что если Вильгельм II и в дальнейшем будет упорствовать, то ему ничего не останется, как опубликовать их личную переписку, содержание которой способно вызвать в общественном мнении подозрение о его истинном желании удовлетворить собственные геополитические амбиции, а не радеть за дело мира. И только в случае, если тот примет американские предложения, то Рузвельт обещал не обнародовать никакие документы, а стараться «всеми способами отдать должное Германии за все, что было сделано» [\[18, p.500\]](#). После двухнедельного раздумья кайзер вынужден был пойти на компромисс. В генеральном акте, принятом в апреле 1906 г., признавались особые интересы Франции и Испании при сохранении формального суверенитета Марокко, что являлось ярким свидетельством провала внешнеполитической линии Германии [\[30, p.2126-2183\]](#).

«Излишняя эмоциональность германских лидеров и неспособность определить долгосрочные цели превратили Альхесирас в дипломатический разгром для страны, – отмечал Киссинджер. – Соединенные Штаты, Италия, Россия и Великобритания – все отказались встать на сторону Германии» [\[25, c.168\]](#). И хотя в тексте документа много говорилось о равенстве экономических возможностей для европейских держав в Марокко, перед французами и испанцами открылись новые перспективы для дальнейшего проникновения в султанат: в ведение этих стран передавалось поддержание «внутреннего порядка», контроль над марокканской полицией и работа таможен в открытых портах страны. Правда, формирование полиции и таможенных служб осуществлялось под международным контролем, но фактически эти функции оказались в руках французских и испанских чиновников. Даже в созданном государственном банке, действовавшем под контролем Англии, Германии и Испании, наибольшую квоту в основной части капитала получила Франция. Достигнутое соглашение в целом свидетельствовало о нерешенности марокканского вопроса: сохранение остроты франко-германских противоречий в регионе обусловило открытие Марокко для экономического проникновения европейских стран, что вряд ли могло соответствовать интересам, как Франции, так и Германии, у которых оставались нереализованными геополитические претензии. Самое печальное для внешнеполитического курса Германии заключалось в провале четырехстороннего альянса для изоляции Великобритании, поскольку к концу конференции англо-французские связи, поддержанные США, еще более окрепли.

В послании конгрессу 3 декабря 1906 г. Рузвельт высоко оценил достигнутое соглашение с точки зрения американских интересов. Он утверждал, что оно важно для США, поскольку «предоставляет равные коммерческие права со всеми европейскими

странами и не влечет за собой никаких обязательств, ... и это в то время, как мы повсюду ищем новые рынки и каналы сбыта для товаров» [\[31\]](#). Между тем ратификация договора в сенате столкнулась с серьезной оппозицией, осудившей вмешательство Рузвельта в европейские дела как серьезное отступление от политики изоляционизма. На помощь президенту пришел его давний друг Лодж, заявивший, что достигнутый с помощью Рузвельта мир в Европе важнее традиций. Он ссылаясь на целесообразность расширительной интерпретации функций исполнительной власти, позволившей президенту оперативно урегулировать сложный региональный конфликт и снять, тем самым, непосредственную опасность военной угрозы [\[32, p.221-222\]](#). Только через более чем полгода, 12 декабря 1906 г., после получения от Рузвельта заверений в экономической целесообразности подписанного в Альхесирасе договора сенат его ратифицировал, но дополнил протоколом, в котором правительство США отказалось брать на себя ответственность за его исполнение.

Конечно, сейчас, по прошествии 100 лет после русско-японской войны и двух марокканских кризисов, оценка посредничества Рузвельта представляется более сложной и многогранной, чем она виделась современникам. Острые межимпериалистические противоречия затрагивали не только двусторонние русско-японские или франко-германские отношения, они охватывали всю систему международных связей в целом. В формировавшейся системе биполярных отношений на одном полюсе оказались страны Тройственного союза, а на другом – Антанта и примкнувшие к ней США. Ведущие страны Европы были поделены на военные блоки, поэтому в условиях обострившихся глобальных противоречий региональный конфликт мог в любой момент перерасти в мировое противостояние. Объективные последствия посреднической миссии президента Рузвельта, за которую он получил нобелевскую премию мира 1906 г., оказались важнее и значительнее его первоначальных, субъективных замыслов. Главным достижением американской дипломатии можно считать активное участие в урегулировании региональных конфликтов, получивших в современной литературе условное название «нулевой мировой войны» [\[33\]](#).

Библиография

1. Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895-1907. М., Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1947. 496 с.
2. Добров А. Ф. Дальневосточная политика США в период русско-японской войны. М.: Госполитиздат, 1952. 396 с.
3. Бродский Р.М. Дальневосточная политика США накануне Первой мировой войны. М.: Наука, 1968. 244 с.
4. Лан В.И. США: от испано-американской до первой мировой войны. М.: Наука: 1975. 367 с.
5. Уткин А. И. Рузвельт. М.: Эксмо, 2003. 544 с.
6. История внешней политики и дипломатии США. 1867-1918. М.: Наука. 1997. 384 с.
7. Дербицкая К. Ю. Марокканский вопрос в международных отношениях в конце XIX – начале XX вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к. и. н. Москва, 2013. 28 с.
8. Воронов Е.Н. Франко-русские дипломатические отношения накануне и в период марокканских кризисов: 1900-1911. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к. и. н. Курск, 2004. 26 с.
9. Anderson E. The First Moroccan Crisis. Chicago: University of Chicago Press, 1930. 420 p.

10. Esthus R. Theodore Roosevelt and the International Rivalries. Claremont: Regina Books, 1982. 165 p.
11. Mercer J. Reputation and International Politics. Ithaca: Cornell University Press, 1996. 248 p.
12. Miller G. The Shadow of the Past: Reputation and Military Alliances Before the First World War. Ithaca: Cornell University Press, 2011. 248 p.
13. Roosevelt T. International Peace. Address at the National Theatre in Oslo, Norway, May 5, 1910 // <http://www.theodore-roosevelt.com/>
14. Байбакова Л. В. Роль президента США Т. Рузвельта в выработке предварительных условий мирных переговоров между Россией и Японией (март-июнь 1905 г.) // Вестник Московского университета. Серия История. 2010. №6. С.3-41.
15. Blake N. Ambassadors of the Court of Theodore Roosevelt // American Heritage. Vol.7. 1956. February. Issue 2 // <https://www.americanheritage.com>
16. Roosevelt T. Autobiography. New York: Charles Scribner's Sons, 1920. 282 p.
17. Lodge H. C. T. Roosevelt. An Address Delivered Before the Congress of the United States. 1914, April 16. Boston: McGrath-Sherrill Press, 1914. 55 p.
18. Bishop J. Theodore Roosevelt and His Time shown in His Own Letters. Vol. 1. New York: Charles Scribner's Son's, 1920. 546 p.
19. The Letters of Theodore Roosevelt. Edited by E Morrison and others. Vol. 4. Cambridge: Harvard University Press, 1951. 744 p.
20. Pringle H. The Life and Times of William Howard Taft: A Biography. V.1. New York: Farrar & Rinehart, 1939. 608 p.
21. Selections from Correspondence of Theodore Roosevelt and Henry Cabot Lodge, 1884-1918. V. 2. New York: Charles Scribner's Sons, 1925. 473p.
22. Колониальная политика капиталистических держав (1870-1814). М.: Просвещение, 1967. 276 с.
23. Гостенков А.В. Дипломатия кайзеровской Германии и первый марокканский кризис // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Серия: История. Т.2. 2008. С.193-209.
24. Дербицкая К. Ю. Борьба Европейских держав за Марокко в ходе первого марокканского кризиса 1905 г. // Вестник РУДН. Серия Международные отношения. 2012. № 3. С.79-92.
25. Кисинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. 848 с.
26. Rice C. S., Gwynn S. The Letters and Friendships of Sir Cecil Spring-Rice, a Record. Vol.1. Boston, New York: Houghton Mifflin Company, 1929. 484 p.
27. Тарле Е. В. Европа в эпоху империализма. 1871-1919. М.: Академия наук, 1958. 430 с. // <https://booksafe.net/>
28. Nevins A. Henry White: Thirty Years of American Diplomacy. New York: Harper & Brothers. 1930. 532 p.
29. Hall L. A Partnership in Peacemaking: Theodore Roosevelt and Wilhelm II // Pacific Historical Review. 1944. Vol.13. December. P.390-411.
30. Алхесирас, 25 марта/ 7 апреля 1906 . Генеральный акт Алхесирасской международной конференции // Собрание узаконений. 1907. №153, С.2126-2183 // istmat.info
31. State of the Union Address: Theodore Roosevelt. December 3, 1906 // www.infoplease.com

32. Schrifgiesser K. The Gentleman from Massachusetts: Henry Cabot Lodge. Boston: Little, Brown and Company, 1944. 386 p.
33. The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero. Boston: Brill; 2005. 694 p.